

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.04

Правильная ссылка на статью:

Шиняева О. В., Полетаева О. В., Слепова О. М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 68—85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>.

For citation:

Shinyaeva O. V., Poletaeva O. V., Slepova O. M. (2019) Information and digital inequality: searching for effective population adaptation practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 68—85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>.

О. В. Шиняева, О. В. Полетаева, О. М. Слепова ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: ПОИСКИ ЭФФЕКТИВНЫХ ПРАКТИК АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: ПОИСКИ ЭФФЕКТИВНЫХ ПРАКТИК АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

INFORMATION AND DIGITAL INEQUALITY: SEARCHING FOR EFFECTIVE POPULATION ADAPTATION PRACTICES

ШИНЯЕВА Ольга Викторовна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, социологии и связей с общественностью, Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия
E-MAIL: olses@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7852-7257>

Olga V. SHINYAEVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Department of political science, sociology and public relations
E-MAIL: olses@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7852-7257>

¹ Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia

ПОЛЕТАЕВА Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры политологии, социологии и связей с общественностью, Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия

E-MAIL: ovpoletaeva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3527-5824>

СЛЕПОВА Ольга Михайловна — аспирант кафедры политологии, социологии и связей с общественностью, Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия

E-MAIL: slepova15@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8167-2970>

Аннотация. Российское общество вступило в период динамичного внедрения цифровых технологий во все сферы жизни; в этих условиях информационно-цифровая активность из элементов профессиональной, образовательной, досуговой деятельности превратилась в критерий для определения места каждого гражданина на шкале освоения цифровых ресурсов. В данной статье анализируется поведение социальных групп с позиций адаптации к цифровым технологиям, а также с позиций состояния самой адаптивной ситуации — цифрового пространства в российских регионах, технологических и поведенческих критериев стратификации индивидов по шкале «онлайн — офлайн». Актуальность исследования адаптивных практик жителей российских регионов, их мотивации в процессе освоения конкретных цифровых технологий не вызывает сомнений в силу теоретической и практической значимости. Теоретическая часть статьи содержит классификацию адаптивных практик,

Olga V. POLETAEVA¹ — *Cand. Sci. (Soc. Sci.), Senior Lecturer, Department of political science, sociology and public relations*

E-MAIL: ovpoletaeva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3527-5824>

Olga M. SLEPOVA¹ — *Post-Graduate Student*

E-MAIL: slepova15@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8167-2970>

¹ Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia

Abstract. Russian society has entered a period of rapid introduction of digital technologies into all spheres of life. In this context, professional, educative and leisure character of digital activity turned into a criterion defining each individual's place on a scale of digital resources. The article analyzes the behavior of social groups in terms of their adaptation to digital technologies as well as the digital environment in the Russian regions and technological and behavioral criteria of people's stratification on the "online-offline" scale. Studying adaptive practices of the inhabitants living in the Russian regions, their motivation to acquire certain digital skills is no doubt important as it has its theoretical and practical significance. The theoretical part of the article contains classification of adaptive practices, their analysis from the perspective of effectiveness, criteria and indicators measuring digital divide. The empirical part is grounded upon the data of cross-regional study "Information and digital inequality and ways to overcome it in the region" (2018). The

их анализ с позиций эффективности в эпоху цифровизации; критерии и индикаторы измерения информационно-цифрового неравенства массовых пользователей. Эмпирическая часть статьи основана на данных авторского межрегионального исследования «Информационно-цифровое неравенство населения и способы его преодоления» (2018 г.); выборка анкетного опроса репрезентирует население Пензенской и Ульяновской областей, проживающее в населенных пунктах разных типов (крупные, средние, малые города, сельские поселения), имеющее разные возрастные и образовательные характеристики. Сравнение «цифровой» стратификации населения по разным профилям показало, что технологическая доступность онлайн-пространства в разных типах поселений российской провинции опережает мотивационно-поведенческую доступность. Барьеры освоения цифровых ресурсов носят мотивационный, когнитивный, экономический характер; они присутствуют во всех группах населения, но чаще — среди людей старших возрастных групп; жителей сёл и поселков, работников с начальным профессиональным образованием; бедных и малообеспеченных семей. Из всех типов адаптивных практик эффективны те, которые сопряжены с высоким уровнем позитивной мотивации, цифровой активности и грамотности; ядро эффективных адаптантов составляют молодые люди, женщины, жители крупных городов, предприниматели, специалисты с высшим образованием. В статье описаны стимулы повышения информационно-цифровой активности представителей разных типов социальной адаптации.

questionnaire sample is representative of the population from Penza and Ulyanovsk oblasts living in different types of settlements (large cities, medium-sized cities, small cities, rural area), from different age groups and with different education backgrounds. The analysis of digital stratification shows that the technological access to online environment in different types of settlements of the Russian province outstrips the motivational and behavioral availability. Barriers to the use of digital resources are motivational, cognitive and economic and can be found across all age groups but most frequently among inhabitants of rural area, workers with elementary vocational education, poor and needy families. Those practices which deal with high levels of positive motivation, digital activity and literacy are the most effective among all adaptive practices. The core effective adaptants are young people, women, inhabitants of big cities, entrepreneurs, and specialists with higher education diplomas. The article describes what drives people with different types of social adaptation to enhance information and digital activity.

Ключевые слова: цифровая стратификация населения, теоретические модели адаптации, адаптивные практики, информационно-цифровое неравенство

Keywords: digital stratification of the population, theoretical models of adaptation, adaptive practices, information and digital inequality

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Грант №18-411-730009 «Информационно-цифровое неравенство и способы его преодоления в регионе».

Acknowledgments. This article is supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Grant no.18-411-730009 “Information and digital inequality and ways to overcome it in the region”.

Введение

Стремительное развитие информационных и телекоммуникационных технологий приобретает характер глобальной технологической революции, которая оказывает возрастающее влияние на политику, экономику, управление, финансы, науку, культуру и другие сферы жизнедеятельности общества. Информатизация дает толчок инновационным технологиям, но в то же время усиливает процессы поляризации населения. Возникает опасность формирования «информационной элиты», «креативного класса», с одной стороны, и увеличения группы людей, оказавшихся в маргинальном положении по отношению к информационно-компьютерным технологиям и пополняющим страту «информационно бедных» — с другой.

К концу второго десятилетия XXI века россияне оказались в ситуации, когда информационно-цифровая активность и компетентность из элементов профессиональной, образовательной, досуговой деятельности превратились в критерий стратификации общества. Влияние нового критерия стратификации усиливается в условиях активной цифровизации сфер трудовой деятельности: экономическая активность перемещается в сектор услуг, труд все больше связан с производством и обработкой информации, а «ключевую роль в становлении „новой экономики“ играют цифровые технологии и компьютерные сети» [Стребков, 2016]. Разновидность нового неравенства как проблема, меняющая социальную среду, и формы адаптации к ней, актуальны для исследования и пока изучены слабо.

В данной статье рассмотрим поведение социальных групп в качественно новых условиях цифровизации всех сфер жизни, с позиций эффективности адаптивных практик, а также с позиций состояния самой адаптивной ситуации — цифрового пространства в конкретных регионах, технологических и поведенческих критериев стратификации индивидов по шкале «онлайн — офлайн». Эмпирической основой анализа выступают данные межрегионального количественного исследования «Информационно-цифровое неравенство населения и способы его преодоления» (2018 г.). Выборка многоступенчатая; репрезентирует население Пензенской и Ульяновской областей, проживающее в населенных пунктах разных типов (крупные, средние, малые города, сельские поселения), его возрастные и образовательные характеристики. Общий объем выборочной совокупности составил 1250 человек.

Теоретические модели адаптивных практик населения

Проблема эффективных практик адаптации населения к внедрению компьютерных технологий приобретает особую актуальность на фоне усиления информационно-цифрового неравенства. Социальная адаптация как особый вид практик людей представляет собой способы человеческого взаимодействия с неизбежно меняющимися объективными условиями и нормами функционирования общества. Основатель психологического направления в социологии Г. Тард акцентировал внимание на практиках межгрупповых взаимодействий в ходе адаптации, опирающихся на «конфликты, приспособление и подражание, с помощью которых индивид осваивает нормы, ценности и нововведения» [Тард, 2011]. Э. Дюркгейм подчеркивал, что практики социальной адаптации активизируются в «аномический период», когда индивиды теряют привычный образ жизни и одновременно ослабевают контроль коллективного сознания. Этому явлению он отводил первостепенную роль в поиске путей социального благополучия: основная функция адаптации — приобщение индивидов к идее «коллективного сознания, установление однородности, целостности общества» [Дюркгейм, 1994].

Классификацию адаптивных практик впервые предложил лидер чикагской социологической школы Р. Парк. В зависимости от того, как субъект относится новым условиям, пытается их изменить, либо меняет свое поведение, по мнению социолога, начинают преобладать разные практики — кооперации, конкуренции, приспособления, конфликта или ассимиляции [Парк, 2002]. Адаптация завершается подчинением, компромиссом либо аккомодацией; Р. Парк подчеркивал, что результаты «обусловлены конкуренцией, которая чаще всего связана с профессией». Т. Парсонс конкретизировал факторы успеха адаптивных практик в условиях развитого индустриального общества: 1) наличие символических механизмов регуляции поведения (язык, ценности, интересы); 2) зависимость индивидуального действия от принятых норм на рынке труда; 3) определенная независимость субъектов в выборе инструментов адаптации от среды [Парсонс, 2002]. Постиндустриальные практики социального приспособления классифицировал английский исследователь Дж. Берри, он предложил четыре типа адаптивного поведения: *интеграция* — объединение с новой культурной и технологической средой; *ассимиляция* — поглощение адаптантов новой средой; *маргинальность* — ограниченность социальных контактов, пограничное состояние; *сепаратизм* — культурная и технологическая замкнутость [Berry, 2003].

Адаптивные практики населения постсоветской России изучались отечественными социологами Л. А. Беляевой, Т. И. Заславской, Н. В. Касаткиной, Л. В. Корель, М. И. Шабановой и др. Рассматривая адаптацию как «результат приспособления человека к экономическим и организационным изменениям в ходе рыночных преобразований», Л. А. Беляева выделила специфику адаптивных практик в трансформирующейся России: они формируются как компенсаторное поведение индивидов и групп в условиях коренных изменений; их результат зависит от того, на какой стадии адаптации остановилась конкретная группа или индивид: социальный шок; мобилизация адаптивных ресурсов; ответ на вызов социальной среды [Беляева, 2001]. Л. В. Корель разработала «матрицу адаптационных моделей», направленных на реализацию разных функций в меняющихся условиях: рост приспособленно-

сти адаптирующихся субъектов к среде через совершенствование внутренней структуры; устранение несоответствий между привычными социокультурными образцами и изменившимися условиями жизни; преодоление возникшего в новых условиях у индивидов состояния социального дискомфорта, отчуждения, утраты идентичности; перевод ситуационного поведения адаптантов в разряд устойчивых социальных практик [Корель, 2005].

В первом десятилетии XXI века перед социологической общественностью встала проблема поиска новых критериев классификации адаптивных практик больших групп населения к быстро меняющимся условиям. Выигрывали те, кто смог преодолеть стадию «шока» и за счет «рационализации» поведения, мобилизации ресурсов смог заменить привычные стратегии поведения на новые. В контексте данного подхода М. И. Шабанова предложила типологию адаптивных практик, которая, на наш взгляд, эвристична в исследовании «цифрового поведения» россиян: *адаптация как развитие; адаптация как защита; адаптация как уход от проблемы* [Шабанова, 2001]. Первый тип является позитивным и обеспечивает совершенствование субъектов в новых технологических условиях; вторая модель поведения, в зависимости от событийного контекста, может иметь нейтральный характер; третий тип адаптивной практики однозначно приобретает негативный характер, особенно в условиях усиления процессов интернетизации, компьютеризации во всех социальных сферах.

Мы взяли на вооружение данную типологию адаптивного поведения и конкретизировали сам объект исследования. *Адаптивная практика* в условиях цифровизации общества — это достижение представителями больших групп населения психологического, социального, экономического комфорта жизнедеятельности за счет освоения цифровых технологий и повышения информационной активности. Адаптация к цифровым технологиям трактуется нами как повышение цифровой грамотности отдельных индивидов и социальных групп ради более эффективного функционирования, а также как состояние, которое характеризуется отношениями с другими индивидами и группами в рамках формирующейся информационно-цифровой стратификации.

Методология исследования информационно-цифрового неравенства

По сравнению с экономическим, политическим и образовательным неравенством, «информационно-цифровой критерий» социального неравенства в научной литературе появился относительно недавно; при этом цитируемость понятия и количество статей в последние десять лет резко возросли. В первоначальном представлении термин «цифровое неравенство» описывал ситуацию, когда в обществе существуют социальные группы, имеющие доступ к современным цифровым технологиям коммуникации (прежде всего к интернету), и не имеющие такого доступа [Вису, 2000]. В конце XX века важнейшим показателем неравенства стало владение персональным компьютером, в начале нового столетия усилилась значимость высокоскоростного доступа в интернет и соответствующих компетенций его использования; с начала второго десятилетия XXI века на первый план вышли возможность и характер использования на регулярной основе цифровых технологий [Волченко, 2016].

Современная интерпретация изучаемого явления не сводится к доступу или наличию интернета. Российские социологи подчеркивают важность «онлайн-жизни» для граждан, без нее они все больше включаются в цифровую депривацию — «социальный процесс, в ходе которого происходит сокращение для индивидов и групп возможностей удовлетворения их основных жизненных потребностей» [Вершинская, 2016: 432]. Доступность информационно-компьютерных технологий является не только критерием обновления социальной структуры, но и важным элементом социальной инфраструктуры, то есть частью системы жизнеобеспечения любого населенного пункта — а именно функционирования лечебных, учебных, культурно-бытовых учреждений [Шарифьянов, 2014].

Анализ зарубежных и отечественных концепций нового вида неравенства показал, что кроме технологического доступа к цифровым технологиям оно определяется грамотностью и мотивацией жителей в поиске информации онлайн. Мы расширили само явление до «информационно-цифрового», а в индекс определения уровня дифференциации включили показатели технологического доступа и готовности самих пользователей. *Информационно-цифровое неравенство* — это показатель социальных дистанций между разными стратами общества, которые фиксируются по объективным критериям (доступ к мобильным устройствам, интернету, компьютерному оборудованию) и субъективным оценкам (мотивация, компетентность, характер использования цифровых технологий). Расстояния между стратами, выраженные в количественных и качественных единицах, дают представление о глубине неравенства по двум осям — технологической и поведенческой; каждая ось имеет свои индикаторы измерения.

Для выделения страт по *технологической* оси мы использовали следующие показатели: использование стационарного и мобильного доступа к интернету, наличие интернета вещей в пользовании, доступность компьютерного оборудования. Для выделения «цифровых страт» по *мотивационно-поведенческой* оси применялись следующие показатели: интернет-активность жителей; характер обращения к цифровым технологиям для решения бытовых, досуговых, потребительских, образовательных, профессиональных проблем. Соединение индексов по технологическому и мотивационно-поведенческому критериям позволит в комплексе описать положение социальных групп на шкале различий цифровых ресурсов.

Информационно-цифровое неравенство в российской провинции и адаптивные практики населения

Результаты опроса жителей Пензенской и Ульяновской областей показали, что устройства, обеспечивающие выход в интернет, имеют около 80 % населения; но они неравномерно распределены в социальных сегментах. Наиболее распространены мобильные телефоны (смартфоны), их наличие отметили почти две трети жителей (65 %; см. табл. 1); чаще других ими пользуются представители молодежного сегмента, жители крупных городов с высшим образованием и состоятельные граждане (более 70 %).

Преобладание мобильных устройств у населения — общая тенденция, характерная для регионов России, которая предоставляет дополнительные технические

и технологические возможности интернет-услуг на основе технологий геолокации, коммуникаций ближнего поля. Исследования доступа в интернет свидетельствуют, что мобильные устройства позволяют обрабатывать большой объем информации за счет непрерывной работы и увеличения временных ресурсов [Шарифьянов, 2014]. Удельный вес пользователей интернета, применяющих преимущественно мобильный доступ, неуклонно растет: за последние пять лет он вырос в 2,5 раза.

Таблица 1. **Обеспеченность жителей устройствами доступа к интернету**
(в % от числа опрошенных; n = 1250)

Требования работодателей		Возраст			Место проживания			Образование			Экономический статус			
		В среднем	18—35	36—55	56 и старше	Крупный город	Средний, мал. город	Поселок	Начальное профессиональное	Среднее профессиональное	Высшее	Бедные	Малообеспеченные	Средние
Наличие в семье мобильных устройств доступа к интернету														
Стационарный компьютер	57	54	63	55	58	58	52	60	57	53	59	64	62	54
Ноутбук, нетбук	51	66	45	37	53	45	54	45	46	63	54	38	43	90
Планшет	36	43	35	30	39	34	31	39	24	47	30	30	53	69
Мобильный телефон (смартфон)	65	74	61	62	72	58	57	59	65	72	77	58	65	80
Телевизор с выходом в интернет	43	37	51	43	43	52	32	56	30	44	26	31	59	45
Интернет вещей	3	4	1	3	8	2	1	1	0	7	1	1	5	9
Нет ничего из перечисленного	5	6	4	5	4	5	7	6	5	3	11	5	3	3

Технологические различия доступа к интернету являются тем основанием, на котором в обследованных регионах выделены следующие страты цифрового неравенства: 1) «цифровые бедные» — не имеющие никаких устройств доступа к интернету (5%); 2) «цифровые базовые» — имеющие только стационарный доступ к интернету (26%); 3) «цифровые средние» — использующие разные технологии доступа к интернету (66%); 4) «цифровые продвинутые» — имеющие сеть вещей, управляемых через интернет (3%). Невысокий показатель «цифровой технологической бедности» свидетельствуют о том, что начальный этап интернетизации и компьютеризации смогла преодолеть большая часть жителей российской провинции.

Одновременно невысокий показатель «продвинутых пользователей» говорит о проблемах доступа к скоростному и мобильному интернету в населенных пунктах, а также об отсутствии материальных возможностей и мотивации использования продвинутых цифровых технологий. Подтвердились положения о том, что ключевыми факторами, влияющими на технологическое информационно-цифровое неравенство, являются возраст, место проживания, социально-экономический статус и образование жителей.

Анализ информационно-цифрового неравенства в контексте *поведенческого критерия* показал высокую интернет-активность большинства жителей: две трети жителей регионов (68 %) пользуются всемирной сетью каждый день; около трети (29 %) обращаются к интернету от нескольких раз в неделю до нескольких раз в месяц; лишь 3 % не пользуются им совсем. Активными пользователями всемирной сети являются молодые люди до 35 лет (84 % ежедневно используют интернет для решения разных проблем), жители крупных городов (78 %), среднедоходные и состоятельные семьи (82 % и 88 % соответственно), семьи с детьми школьного возраста (84 %).

Формальная активность обращения к интернету не дает исчерпывающей информации об особенностях поведения в информационно-цифровом пространстве. Используя научные публикации [Вершинская, 2016; Ермаков, 2014] и мнения экспертов, мы разделили массовые навыки населения и формы применения цифровых технологий на три уровня: 1) *базовый уровень* предполагает обмен письмами в электронной почте, общение в массовых социальных сетях; осуществление интернет-платежей за услуги, заказ билетов, продуктов, такси; покупку в интернет-магазинах, просмотр видео; 2) *средний уровень* обеспечивается навыками общения в профессиональных сетях, получения образовательной информации; поиска вакансий на рынке труда, выполнения профессиональных работ; взаимодействия с органами власти, гражданскими объединениями; виртуальных путешествий, посещений культурных объектов; 3) *продвинутый уровень* подразумевает участие в вебинарах, интернет-семинарах; настройку набора новостных источников, облачное хранение данных; получение дистанционного образования; ведение собственного видеоблога, сайта; управление технологиями «умного дома».

Цифровые услуги базового уровня присутствуют в жизни всех социальных сегментов: жители не только крупных, но и средних, малых городов осваивают платежи через интернет за жилищно-коммунальные и другие услуги, осуществляют покупки в интернет-магазинах; жители поселков общаются в социальных сетях. В среднем около 40 % жителей провинциальных регионов владеют большей частью цифровых навыков базового уровня: самые распространенные — общение в социальных сетях (59 %); навыки аутсайдеры — заказ продуктов и лекарств (14 %). Высокая активность использования базовых цифровых услуг характерна для специалистов разных отраслей со специальным образованием, предпринимателей, семей с невысокими доходами.

Средний уровень освоения информационно-цифрового пространства гражданами связан не столько с потребительскими услугами, сколько с развивающими программами: получение образовательной информации (48 %), поиск вакансий на рынке труда (22 %), дистанционное выполнение профессиональной деятель-

ности (17 %), виртуальные путешествия и посещения культурных мероприятий (15 %). Совокупный индекс освоения большей части этих услуг составил 27: четверть населения кроме базовых технологий владеет более сложными цифровыми навыками. Самый высокий совокупный индекс освоения услуг среднего уровня демонстрируют молодые люди от 18 до 35 лет, среднедоходные семьи.

Закрывают перечень видов информационно-цифровой деятельности услуги *продвинутого уровня*. Они не только удовлетворяют потребительские и развивающие интересы, но и меняют качество жизни пользователей: помогают настраивать новостные источники и хранить свои данные (22 %—26 %), дистанционно получать образование и участвовать в вебинарах (27 %), использовать услуги «умного дома» (10 %; см. табл. 2). Более уверенно себя чувствуют в данной группе услуг учащаяся молодежь, семьи со средним и высоким уровнем доходов. Совокупный индекс освоения большинства технологий продвинутого уровня равен 15, что в два-три раза ниже, чем в первых двух группах.

Результаты освоения виртуального пространства жителями разных населенных пунктов Пензенской и Ульяновской областей свидетельствуют о наличии серьезных барьеров в поведении массовых пользователей, которые воспроизводят информационно-цифровое неравенство. Эти барьеры носят мотивационный, когнитивный и экономический характер; они присутствуют во всех группах населения, но чаще других — среди людей старших возрастных групп; жителей сёл и поселков, работников с начальным профессиональным образованием; бедных и малообеспеченных семей.

Таблица 2. *Продвинутый уровень информационно-цифровой активности населения (в % от числа опрошенных; n = 1250)*

Требования работодателей	В среднем	Возраст			Место проживания			Образование			Экономический статус			
		18—35	36—55	56 и старше	Крупный город	Средний, мал. город	Поселок	Начальное профессиональное	Среднее профессиональное	Высшее	Бедные	Малообеспеченные	Средние	Состоятельные
Дистанционное образование	19	21	14	20	17	20	20	30	9	17	19	8	29	32
Услуги «умного дома»	10	4	22	5	11	12	5	2	15	13	2	6	19	23
Роботы-помощники в доме	7	10	3	6	12	3	2	4	8	7	1	7	15	22
Участие в вебинарах, семинарах	27	33	24	15	27	22	23	26	16	34	4	36	26	27
Настройка новостных источников	26	23	29	26	23	35	17	26	24	28	31	23	33	13
Облако данных	22	31	21	13	24	21	19	23	24	21	24	25	13	13
Ведение видеоблога, сайта	5	3	4	8	4	6	4	6	3	5	5	3	6	12

Сравнение «цифровой» стратификации населения по разным профилям показало, что поведенческий критерий дает менее благоприятную картину: каждый пятый житель регионов (18 %) соответствует категории «цифровая бедность», то есть не пользуется услугами даже первой необходимости. Эти граждане быстро станут социально исключенными, если не будут вовлечены в новые технологии благодаря специальным программам.

В целом освоение интернета и информационно-компьютерных технологий в России характеризуется позитивной динамикой: исследования в регионах 2015 г. свидетельствовали о том, что 40 % российского населения не использовали цифровые ресурсы и по шкале «онлайн — офлайн» находились на уровне «цифровой бедности» [Вершинская, 2016]. Удельный вес представителей нижней страты информационно-цифрового неравенства сокращается благодаря очевидным изменениям в жизни регионов, населенных пунктов, учреждений и каждого отдельного гражданина: современные информационно-коммуникативные, досуговые интересы населения удовлетворяются преимущественно с помощью интернета, в нашем опросе на этот источник указали 77 % респондентов (см. рис. 1), а среди молодежи, жителей городов, предпринимателей — 85 %-90 %.

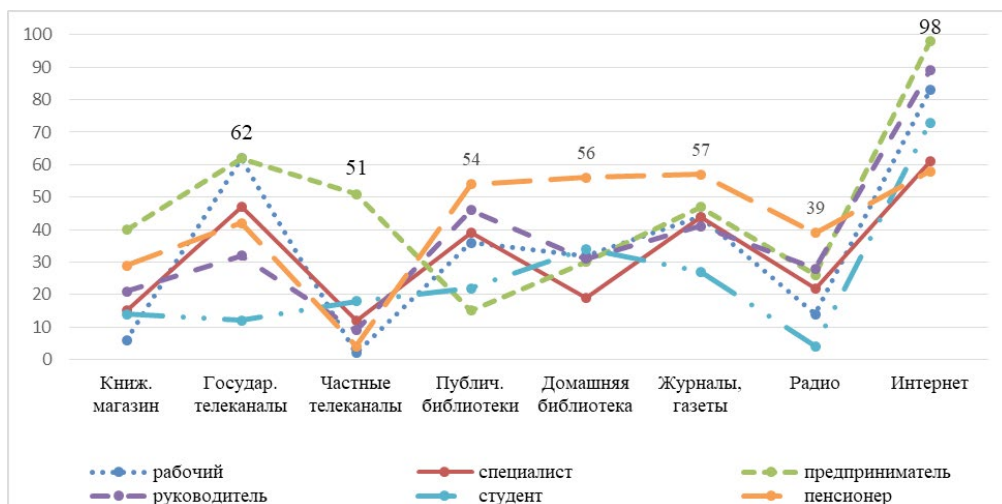

Рисунок 1. Интернет как источник реализации информационно-коммуникативных потребностей жителей с разным должностным статусом (в %, $n = 1250$)

Изменение отношения к цифровым ресурсам связано не только с объективной интернетизацией, но и с той моделью поведения, которой граждане придерживаются в рамках социальной адаптации («адаптивной практикой»). В преодолении информационно-цифрового неравенства еще более, чем любого другого, выигрывают те группы, которые в ходе адаптации могут преодолеть стадию «шока» и начать осваивать новые навыки. Типология адаптивных практик, которую мы охарактеризовали выше, в ходе исследования была конкретизирована: 1) «адаптация как развитие» — *предприимчивый тип*: проявляю инициативу во всех сферах,

чтобы быть успешнее; 2) «адаптация как защита» — *консервативный тип*: защищаю и стараюсь сохранить достигнутое; 3) «адаптация как уход от проблем» — *пассивный тип*: ничего не предпринимаю, не могу изменить ситуацию в лучшую сторону. Соотнесение этих типов с формами информационно-цифровой активности позволило выделить следующие характеристики.

Жители обследованных регионов в целом придерживаются *позитивной мотивации* относительно информационных и компьютерных навыков: считают, что они могут помочь в получении новой работы, повышении самооценки и адаптации к меняющимся условиям жизни. Чаще других в этом убеждены молодые люди, жители крупных городов, представители бедных и малообеспеченных семей. Самый высокий уровень позитивной мотивации разделяют представители предпринимчивого типа (75%), самый низкий — те, кто придерживается пассивных практик (52%) (см. рис. 2).

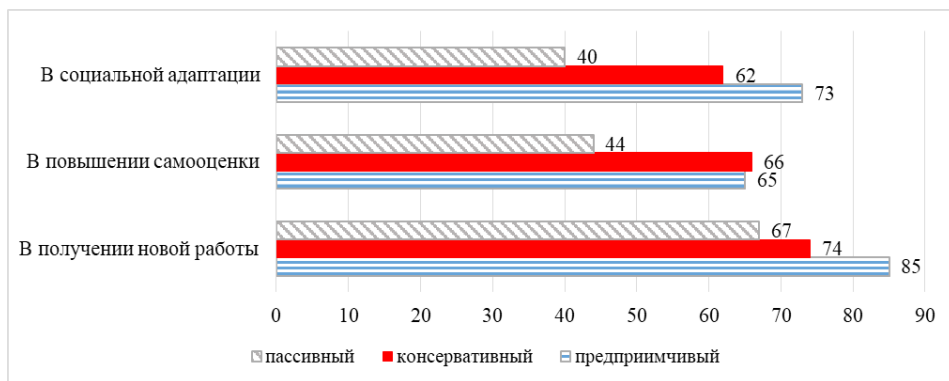

Рисунок 2. Мотивация освоения информационно-коммуникационных технологий как средства социально-профессиональной мобильности в разных типах адаптивного поведения (в %, $n = 1250$)

Использование интернет-технологий в современных условиях выступает своеобразным индикатором социальной адаптивности и активности граждан: чем мобильнее человек, тем чаще ему требуется мобильный выход в виртуальное пространство. Чем ниже социальная адаптивность к новым жизненным условиям и пассивнее адаптивное поведение, тем ниже интернет-активность. Внимания заслуживает следующий факт, выявленный в ходе исследования: представители пассивного типа, которые ничего не предпринимают и не меняют сложившуюся ситуацию, не проявляют высокой активности и в онлайн-пространстве: каждый второй из них (47%) пользуется интернетом и цифровыми технологиями крайне редко, либо не пользуется вовсе; среди «консервативных» и «предпринимчивых» граждан таких значительно меньше (20% и 14% соответственно; см. рис. 3).

Кроме мотивации и информационно-цифровой активности представители разных типов адаптивного поведения отличаются *компьютерной грамотностью*. Американские ученые К. Ланкшер и М. Кнобел рассматривают интернет-грамотность, компьютерную грамотность и информационную грамотность как виды цифровой грамотности [Lankshear, Knobel, 2008]. Европейские исследователи

А. Авирам и Й. Эшет-Алкалай предлагают учитывать конкретные составляющие компьютерной грамотности: фотовизуальную, репродуктивную, информационную, социально-эмоциональную и интернет-грамотность [Aviram, Eshet-Alkalai, 2006]. На саммите G20 в 2017 г. выделена потребность повышения цифровой грамотности населения и в качестве ее компонентов предложены следующие показатели: информационный, компьютерный, коммуникационный, технологический [Chetty, Liu, 2018]. Такое внимание к компьютерным (цифровым) компетенциям больших социальных групп свидетельствует о значимости этого качества для жизни в современном обществе, а также о сложностях его формирования. Отличие компьютерной грамотности от других составляющих человеческого капитала состоит в том, что традиционная модель передачи знаний от старшего поколения младшему в отношении компьютерной грамотности не работает. Результаты нашего исследования показали, что доля пользователей с низким уровнем компьютерной подготовки различается не только в возрастных сегментах, но и среди представителей разных типов адаптации: удельный вес лиц с низким и начальным уровнем цифровой компетентности в типологической группе «предприимчивых» составляет пятую часть (20%), в группе «консерваторов» — треть (32%), среди «пассивных» — почти половину (48%).

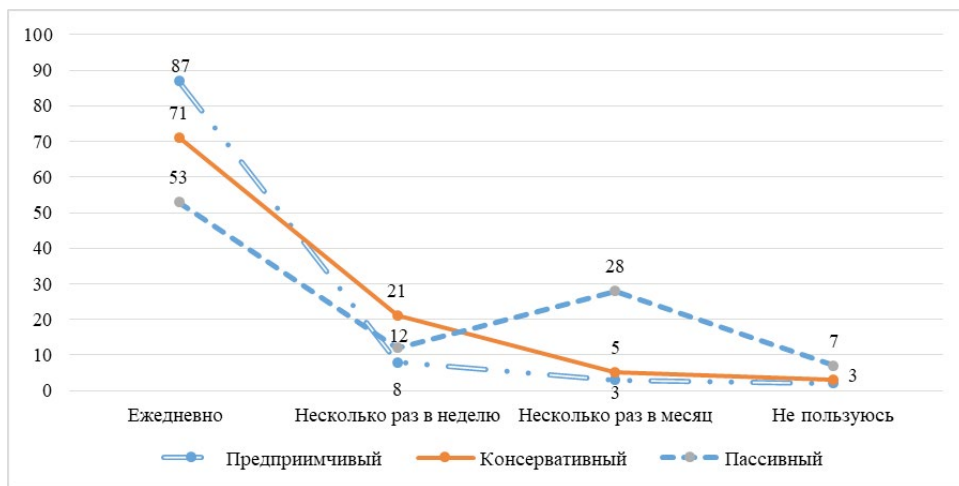

Рисунок 3. Уровень интернет-активности представителей разных типов социальной адаптации (в %; $n = 1250$)

Выявленная нами устойчивая корреляция «предприимчивых» адаптантов с высоким уровнем позитивной мотивации, цифровой активности и грамотности подтверждает выводы других исследований в России: навыки в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) являются входным билетом в более успешную жизнь и на более привлекательные рабочие места [Бедность и бедные в России, 2014]. Научный оптимизм снижает тот факт, что доля эффективного типа, для которого адаптация — это развитие, относительно невелика. По результатам

опроса, она составляет шестую часть взрослых жителей провинциальных регионов (16%-17%). Самый распространенный тип адаптивного поведения — «консервативный»; больше половины взрослых жителей обследованных регионов придерживаются позиции «адаптация — это защита достигнутого» (55%-56%). Самый неэффективный тип адаптации к быстро меняющимся социальным условиям — «пассивная практика», она характерна для четверти населения (27%-28%), а в некоторых социально-демографических сегментах доля таких «адаптантов» доходит 40%-50%.

Преодоление информационно-цифрового неравенства требует увеличения доли граждан, активных по отношению к компьютерным технологиям и к жизни в целом. Этому могут способствовать знания о социально-демографических, профессиональных, социально-экономических характеристиках разных типологических групп, а также о стимулах повышения интереса их представителей к цифровым технологиям.

Результаты нашего исследования свидетельствуют, что в целом среди жителей обследованных регионов наиболее популярны следующие стимулы повышения цифровой активности: необходимость освоения новых гаджетов (41%), требования в профессиональной сфере (40%), новые возможности интернета для общения (39%), воздействие ближнего окружения (33%), развитие электр. услуг в регионе, населенном пункте (14%), возможности для культурного развития и образования (24%), возможности для реализации потреб. в покупках (19%), Другое (2%), Ничто не стимулирует (7%).

Рисунок 4. Стимулы интереса к цифровым технологиям (в %, n=1250)

Различия в стимулировании интереса к ИКТ представителей разных типологических групп связаны с особенностями их состава, которые выявлены на основе специальных таблиц сопряженности.

Предприимчивый тип адаптивного поведения. В составе преобладают молодые люди от 18 до 35 лет, женщины, жители крупных городов и областных центров (65%); предприниматели и специалисты с высшим образованием социально-гуманитарного, информационно-технологического, естественно-научного профилей (62%); представители среднедоходных и состоятельных (выше среднего) групп

населения. Ведущими стимулами повышения уровня цифровых компетенций для представителей данного типа являются: желание осваивать новые цифровые устройства в разных сферах жизни (62%), использование новых форм и каналов интернета для личного и профессионального общения (60%), необходимость использования цифровых технологий в трудовой деятельности (58%).

Консервативный тип адаптивного поведения. В демографическом составе равномерно представлены граждане молодой, средней и старшей возрастных групп, а также жители разных городских и сельских поселений; преобладают работники с начальным и средним профессиональным образованием (71%); семьи, состоящие из родителей и детей дошкольного, школьного возрастов (43%); представители малообеспеченных и базовых (ниже среднего) групп. Основными стимулами, которые могут повысить интерес и уровень цифровой активности для данного типа, являются: активное внедрение гаджетов в быту (64%), получение дистанционных образовательных услуг (55%), влияние ближайшего окружения (54%).

Пассивный тип адаптивного поведения. В составе представлены граждане всех возрастов, с некоторым преобладанием старшей возрастной группы (от 56 лет — 42%), жители малых городов и сельских поселений (67%); преобладают работники с начальным и средним профессиональным образованием (78%); семьи, состоящие из пенсионеров и взрослых людей старшего трудоспособного возраста (55%); представители бедных и малообеспеченных страт (56%). Доминантных стимулов, которые могут повысить интерес и уровень цифровой активности данного типа, не выявлено; нужны адресные целевые программы для конкретных сегментов.

Заключение

Обобщение первичных данных оригинального социологического исследования и сравнение их с вторичной научной информацией позволили подтвердить выдвинутые ранее положения: владение ИКТ-ресурсами определяет новые стили и качество жизни в информационном обществе, одновременно выступает критерием динамично углубляющегося информационно-цифрового неравенства; наличие и освоение этих ресурсов неравномерно осуществляется в разных территориях проживания, возрастных и социокультурных группах; стратификация пользователей в информационно-цифровой сфере связана с разной доступностью цифровых устройств и готовностью самих пользователей.

Кроме того, нам удалось выделить ряд положений, представляющих новизну в изучении информационно-цифрового неравенства и адаптивных практик населения, направленных на его преодоление. Во-первых, расстояния между стратами, выраженные в количественных и качественных единицах, дают представление о глубине цифрового неравенства по двум осям — технологической и поведенческой. Сравнение «цифровой» стратификации населения по разным профилям показало, что технологическая доступность «онлайн-пространства» в разных типах поселений российской провинции сегодня опережает мотивационно-поведенческую доступность.

Во-вторых, изменение отношения населения к цифровым ресурсам на данном этапе связано не столько с объективной интернетизацией, сколько с той моделью поведения, которой граждане придерживаются в рамках социальной

адаптации. Самый высокий уровень позитивной мотивации разделяют представители предприимчивого типа («адаптация как развитие»); самый низкий — те, кто придерживается пассивных практик («адаптация как уход от проблемы»). В свою очередь, характер использования интернет-технологий выступает своеобразным индикатором социальной адаптивности граждан: чем мобильнее человек, тем чаще ему требуется мобильный выход в виртуальное пространство.

В-третьих, выявлена устойчивая корреляция «предприимчивых» граждан с высоким уровнем позитивной мотивации, цифровой активности и грамотности. Но доля эффективного типа, для которого адаптация — это развитие, относительно невелика; самый распространенный тип адаптивного поведения и освоения цифровых ресурсов — «консервативный», представители которого придерживаются оборонительной позиции. Преодоление информационно-цифрового неравенства требует увеличения доли активных граждан по отношению к компьютерным технологиям и к жизни в целом. Перспективы изучения темы связаны с проверкой социально-демографических, профессиональных, социально-экономических характеристик разных типологических групп, стимулов повышения интереса их представителей к цифровым технологиям на более широком эмпирическом материале — исследовании в регионах с разным уровнем социально-экономического развития.

Список литературы (References)

Бедность и бедные в современной России / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Вест Мир, 2014. 304 с.

Poverty and Poor people in Modern Russia (2014) Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow: Ves Mir Publ. 304 p. (In Russ.)

Беляева Л. А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 44—53.

Belyaeva L. A. (2001) Strategies for Survival, Adaptation, and Success. *Sociological Studies*. No. 6. P. 44—53. (In Russ.)

Вершинская О. Н. Цифровая депривация // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Москва, 2016. С. 431—435

Vershinskaya O. N. (2016) Digital deprivation. In: Russia: trends and development prospects. Yearbook. Moscow. P. 431—435. (In Russ.)

Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163—182.

Volchenko O. V. (2016) Dynamics of digital inequality in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 163—182. (In Russ.)

Дюркгейм Э. Самоубийство : Социологический этюд. М. : Мысль, 1994. 399 с.

Durkheim E. (1994) Suicide: A Sociological Study. E. Durkheim. Moscow: Thought. 399 p. (In Russ.)

- Ермаков М. А. Социальная структура информационного общества: синтетическая модель // Социум и власть. 2014. № 4. С. 18—24.
Ermakov M. A. (2014) The social structure of information society: synthetic model. *Society and Power*. No.4. P. 18—24. (In Russ.)
- Касаткина Н. В. Особенности адаптации этнических групп в современной Литве // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 46—54.
Kasatkina N. V. (2004) Features of adaptation of ethnic groups in modern Lithuania. *Sociological Studies*. No. 5. P. 46—54. (In Russ.)
- Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск : Наука, 2005. 424 с.
Korel L. V. (2005) *Sociology of adaptation, problems of theory and methodology*. Novosibirsk: Nauka. 424 p. (In Russ.)
- Парк Р. Аккомодация // Теоретическая социология: Антология. Т. 1. М. : Университет. 2002. С. 406—414.
Park R. (2002) Accommodation. In: *Theoretical Sociology: Anthology*. Vol. 1. Moscow: University. P. 406—414. (In Russ.)
- Парсонс Т. О социальных системах. М. : Академический Проспект, 2002. 830 с.
Parsons. T. (2002) *The social system*. Moscow: Akademicheskiiy Prospekt. 830 p. (In Russ.)
- Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 89—106.
Strebkov D. O., Shevchuk A. V., Spirina M. O. (2016) Self-employment in the remote work market: diffusion of innovative labor practice. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 89—106. (In Russ.)
- Тард Г. Законы подражания. М. : Академический проект, 2011. 189 с.
Tard G. (2011) *Laws of imitation*. Moscow: Academic project. 189 p. (In Russ.)
- Шабанова М. А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3. С. 78—104.
Shabanova M. A. (2001) Mass adaptation strategies and perspectives of institutional transformations. M. A. Shabanova. *Universe of Russia*. No. 3. P. 78—104. (In Russ.)
- Шарифьянов Т. Ф., Гайнанов Д. А., Эволюция цифрового неравенства и инструментарий нейтрализации его последствий // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 22. С. 2—18.
Sharif'ianov T.F., Gainanov D.A. (2014) The digital divide evolution and the tools to neutralize its effects. *Regional Economics: Theory and Practice*. No. 22. P. 2—18. (In Russ.)
- Aviram A. Eshet-Alkalai Y. (2006) *Towards a Theory of Digital Literacy: Three Scenarios for the Next Steps*. 134 p.
- Berry J. W. (2003) *Acculturation as varieties of adaptation*. Boston: McGraw-Hill. 279 p.

Bucy E. P. (2000) Social Access to the Internet. *The Harvard International Journal of Press. Politics*. Vol. 5. No. 1. P. 50—63.

Chetty K., Liu Q., Gcora N., Josie J., Wenwei L., Fang Ch. (2018) Bridging the digital divide: measuring digital literacy. *Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal*. 12 (2018-23): 1—20. <http://dx.doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2018-23>.

Lankshear C., Knobel M. (Ed) (2008) Digital literacies: concept, policies and practices. 68 p.